

ДРКАДИЙ ДВЕРЧЕНКО

ПОДХОДЦЕВЪ
И ДВОЕ ДРУГИХЪ

Аркадий Тимофеевич Аверченко Подходцев и двое других

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=129878

Подходцев и двое других: Новый Сатирикон; Москва; 1917

Содержание

Введение	4
Часть I	5
Глава 1.	5
Глава 2.	10
Глава 3.	15
Глава 4.	22
Глава 5.	26
Глава 6.	35
Глава 7.	41
Глава 8.	43
Глава 9.	56
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Аркадий Аверченко

Подходцев и двое других

Введение

Если бы на поверхности земного шара оставались следы ото всех бродящих по земле человекoв – какой бы гигантский запутанный клубок получился! Сколько миллиардов линий скрестились бы, и сколько разгадок разных истoрий нашел бы опытный следопыт в скрещении одного пути с другим и в отклонении одного пути от другого...

Бог с высоты видит все это, и если бы его Божественное Вниманиe могло быть занято только такой неприхотливой пищей – сколько бы занимательных, трагических и комических истoрий представилось Всевидающему Оку.

Мы все жалки и мелки перед лицом Бога... Ни одному из нас не удалось проникнуть в лабиринт запутанных путей человеческих, никто даже сотой части клубка не распутал; и только автору этих строк удалось проследить пути одной человеческой троицы, которая причудливо сошлась разными путями к одной и той же точке.

Сошлась, чтобы надолго не разойтись.

Вот их пути:

Часть I

Глава 1. Подходцев

Молодой широкоплечий блондин, с открытым веселым лицом и энергичными движениями, вышел из дома №7 по Новопроложенному переулку и, усевшись на извозчика, сказал:

– Вези меня на Дворянскую 5, да только, братец, поскорее. Извозчик чмокнул губами, и лошадь затрусил.

– Ты не особенно хорошо едешь, извозчик, – иронически заметил седок.

– Еду себе и еду, – холодно возразил извозчик.

– Скажу тебе больше: ты едешь просто плохо.

– Н-о-о-о, ты, проклятая!

– Должен тебя огорчить извозчик, но ты едешь гнусно, отвратительно.

– Овес нынче дорог, барин.

– Не вижу никакой логической связи между ценой на овес и скоростью движения лошади.

– Чаво?

– Тово. Это все равно, как если бы я, доехавши до места

назначения, отказался от уплаты причитающихся тебе денег под тем предлогом, что нынче калоши вздорожали на сто процентов.

– Лошадь не бежит, – угрюмым тоном промолвил извозчик.

– Тогда она не лошадь, – учтиво возразил седок.

– А что ж она?

– Не знаю. Я думаю, что тебе нужно было бы быть осмот- рительнее при покупке лошади. Ты ее когда купил?

– О позапрошлом годе.

– Покупая, ты требовал именно лошадь или тебе сорт име- ющего быть всунутым в оглобли животного был безразли- чен?

– Чаво?

– Может быть, тебе по твоей неопытности подсунули вме- сто лошади крокодила?

Извозчик обиделся.

– Почему это? – надменно спросил он.

– Очень просто: что такое лошадь? Это – животное, ко- торое бежит. Твое животное не бежит. Значит, оно – не ло- шадь.

– Четыре ноги имеет, – усмехнулся извозчик, – значит и лошадь.

– Стул тоже имеет четыре ноги, а, однако, не бежит.

– У ей голова есть, а у стула нету, – возразил извозчик, очевидно, серьезно заинтересованный этим принципиаль-

ным спором.

– Подумаешь, важность – голова. Вон и у тебя голова есть, а что толку?

На это извозчик ничего не нашелся ответить.

– Вон видишь, все нас перегоняют.

– Что ж, и мы кой-кого перегоним, – хвастливо усмехнулся извозчик и действительно перегнал лошадь, запряженную в щегольский экипаж и мирно дремавшую у чьего-то подъезда.

Голову седока осенила какая-то мысль. Он лукаво улыбнулся и предложил:

– Хочешь, сделаем так: за каждую лошадь, которую ты перегонишь, я плачу тебе пятак. За каждую лошадь, которая перегонит тебя, я вычитаю с тебя пятак.

Это странное предложение произвело на извозчика ошеломляющее действие. Он в один момент вышел из состояния полудремоты, дико захохотал, привстал на козлах и, хлестнув по лошади, закричал:

– Идет! Считай, барин.

– Стой, стой! Только, брат, уговор: стоячие и противоположно едущие не считаются.

– Само собой! Будьте покойны. Эх, ты, милая-а-ая!..

Лошадь понеслась как стрела, а седок, откинувшись с довольным видом на спинку экипажа, принялся отсчитывать пятаки.

– Пять! Десять! Пятнадцать! Двадцать пять! Пять долой

– нас экипаж один обогнал.

– Так то ж рысак!

– Это деталь! Опять двадцать пять, тридцать! Сорок...

Хитрый извозчик в один момент постиг своим светлым мужицким умом не только принципы этой азартной игры, но и ее выгоды. Поэтому он при первом удобном случае свернул с малолюдной улицы на проспект, где экипажей было в десять раз больше, и, не обращая внимания на сделанный крюк, развил такую скорость, что седок еле успевал считать:

– Рубль тридцать! Еще пять! Рубль сорок. Рубль сорок пять!

– Нет, рубль пятьдесят, – заспорил извозчик. – Сейчас обогнал пару.

– Да ведь она в одной запряжке, пара.

– Это все едино! Уговаривались за лошадь пятак, а тут на-кося двух обогнали!

– Однако и фрукт, брат, ты! Значит, за тройку ты сдерешь пятиалтынный?

– Само собой, три лошади, три пятака. Н-но!!

– Да не гони ты так, черт. Ты меня разорить можешь!

– Мой антирес! – весело заорал извозчик. – Н-но!!

– Извозчик...

– Ась?

– Имей в виду, если кого-нибудь раздавишь – по рублю с человека буду вычитывать.

– Ладно, будьте покойны. А если не раздавлю – вы мне

рूपь.

– Еще что выдумал! Этаким образом ты с меня и тысячу выколотишь.

– Хи-хи! Н-н-но!!

– Смотри, дурак, чуть на женщину не наехал.

– На женщину я никак не могу наехать, – солидно возразил извозчик и сейчас же подтвердил эти слова самым положительным образом: наехал на мужчину.

Раздались крики, оханья, кто-то смачно выругался, кто-то поднимал с земли испачканного в пыли и в прахе небольшого роста господина, отплевывавшегося розовой кровавой слюной.

– Черти! – орал доброволец из публики. – Прут на народ. Рази так ездют? Надо хорошо ездить, а не плохо ездить надо.

– Дать бы извозчику по морде, – посоветовал дворник.

Недовольный такой перспективой, извозчик подобрал в руки вожжи, с явным намерением ускакать от всей этой кавтасии, но седок угадал это намерение, опустил могучую руку на его плечо и сказал спокойно, но твердо:

– Нет, брат, стой. Уезжать нельзя. Умели воровать, надо уметь и ответ держать! Может быть, его в больницу нужно свезти – как же мы уедем?..

Он легким юношеским прыжком соскочил с экипажа и подошел к пострадавшему, которого поддерживал под руку инициатор награждения извозчика оплеухой.

Глава 2.

Громов

Пострадавший поднял на подошедшего ясные кроткие голубые глаза и сказал:

– С какой это радости вы так расскакались?

– Простите. Моя фамилия Подходцев, и я готов вам дать всяческое удовлетворение. Конечно, вы не виноваты: переходили себе спокойно улицу, а в это время мой дурак и налетел на вас безо всякого предупреждения. Я могу так и на суде показать.

– А вы думаете, должен быть суд? – с легким беспокойством спросил пострадавший, еще раз отплюнувшись кровавой слюной.

– Это от вас зависит.

К месту происшествия спокойно, с развальцем, подходил околоточный.

– В чем дело, господа? Прошу разойтись.

– Мне бы очень хотелось разойтись, но едва ли это удастся, – проворчал Подходцев. – Мой возница, благодаря моим же подстрекательствам, ехал быстрее, чем нужно, и наехал на этого господина, который, ничего не подозревая, переходил улицу.

– Этот господин говорит неправду, – возразил пострадавший, счищая пыль с локтей. – Они ехали, как следует, а я сам

виноват: мне захотелось покончить жизнь самоубийством, я и бросился под лошадь.

Околоточный немного растерялся от такого оборота дела.

– Как же вы это так, – укоризненно сказал он. – Разве можно так?

– Что?

– Да кончать жизнь самоубийством?..

– А что в ней хорошего, господин околоточный? Так, чепуха какая-то, а не жизнь. И вообще, ответьте мне на вопрос: к чему жизнь наша? Куда мы стремимся? В чем идеал?

– Вы не имеете права задавать таких вопросов при исполнении служебных обязанностей! – запальчиво сказал околоточный.

– Ну, вот видите! Если даже полиция не может ответить, в чем смысл жизни, то кто же может?

Околоточный пожал плечами, вынул книжку и сухо спросил:

– Вы имеете к седоку и извозчику какую-нибудь претензию?

– Никакой буквально.

– А вы? – обратился околоточный к Подходцеву.

– Я? К этому господину? Претензию? Да я его считаю самым очаровательным существом в мире!

– В таком случае, в чем же дело?!

– Ни в чем.

– Так расходитесь! Зачем скопляться?!

Околоточный сердито откашлялся и ушел, а Подходцев протянул пострадавшему руку и спросил с легким смущением:

– Не могу ли я быть чем-нибудь вам полезен?

– Шить умеете? – улыбнулся одними голубыми глазами пострадавший.

– Не умею.

– Значит, не можете быть полезны. У меня порядочная дыра на локте.

– У такого порядочного человека даже дыра на локте должна быть порядочная, – сказал Подходцев, но, считая этот комплимент недостаточной компенсацией за все, что произошло, добавил:

– Может быть, вам трудно идти – тогда я уступлю вам своего извозчика.

– Не могу ехать.

– Почему? Вам трудно сидеть?

– Да, трудно, когда не знаешь, чем заплатить извозчику.

Это было сказано с такой благородной простотой, что Подходцев почувствовал еще большую симпатию к молодому человеку.

– Как ваша фамилия? – осведомился он.

– Моя фамилия – Громов. А вашу я слышал: Подходцев.

Снова оба пожали друг другу руки, продолжая оживленную беседу на краю панели, возле извозчика, совсем погасшего после того, как его увлечение спортом было приоста-

новлено столь резко и неожиданно.

– В таком случае разрешите мне отвезти вас домой.

– К кому домой? – подмигнул Громов.

– К вам, конечно.

– А вы знаете адрес?

– Чей?

– Мой.

– Я думаю, вы его знаете.

Громов усмехнулся.

– Даже под пыткой я не назову его. Первое: я только вчера вечером приехал в этот город. Второе: у меня нет денег для квартиры. Третье: я, пожалуй, сам виноват в том, что попал под вашу лошадь, – не спавший всю ночь и рассеянный.

– Хотите поехать ко мне? Мы вдвоем что-нибудь сочиним.

– Мне неудобно. Будто вы обязаны сделать для меня что-нибудь только потому, что ваш возница на меня наехал...

Подходцев протянул могучие руки, взял своего нового знакомого под мышки, усадил на извозчика и сказал:

– Пошел! Обратнo на Новопрoложенный.

Извозчик оживился.

– С пятаками?

– Ну тебя к дьяволу! Поезжай просто.

Извозчик снова погас, на этот раз уже окончательно и бесповоротно. Не загорелся он и тогда, когда они доехали и Подходцев, вынимая деньги, сказал:

– По таксе, плюс тридцать восемь перегнанных лошадей, с меня следует два рубля тридцать. Минус рубль за раздавленного, по уговору – остается рубль тридцать. Получай и постарайся переменить свое загадочное животное на обыкновенную человеческую лошадь.

Громов, с удивлением слушавший странные математические вычисления, при последних словах засмеялся, и таким образом эти два человека со смехом вошли в дом и со смехом стали оба жить в нем.

Глава 3.

Дома

Квартира Подходцева состояла из двух комнат – одной огромной и одной микроскопической – похожая на большую жирафу, увенчанную маленькой головкой.

Обстановка была скудная, и Подходцев, обедая широким жестом комнату, поспешил объяснить гостю:

– То, что маленькое на четырех ножках, – ходит у меня под именем стульев. Большое, уже выросшее и сделавшее себе карьеру – называется у меня «стол». Впрочем, так как я иногда на столе сижу, а на стуле, лежа в кровати, обедаю, то я совершенно сбил с толку этих животных, и они ходят у меня под всякую упряжь.

– А почему у вас две кровати? – осведомился гость.

– Эта комната так велика, что мне иногда, когда я бываю по делам в южной ее стороне, трудно достигнуть северной стороны, в особенности, если хочется спать. Поэтому я поставил на каждой стороне по кровати. А в общем – черт его знает, зачем я поставил две кровати.

Хозяин опустился на одну из кроватей и погрузился в задумчивость.

– Действительно, зачем я поставил другую кровать? Недоумеваю. Вы есть хотите?

– То есть как?

– Да так: рыбу, мясо, хлеб. Вино вот тоже некоторые пьют.

– Да я, собственно, уже пообедал, – промямлил гость.

Но тут же врожденная искренность и простота его характера взяли перевес над требованиями хорошего тона. Он рассмеялся и сам перебил себя:

– С чего это мне вздумалось соврать? Ничего я не обедал и за котлету отдал бы столько собственного мяса, сколько она будет весить.

– Странные мы народы: я зачем-то поставил лишнюю кровать, вы корчите из себя великосветского денди, щелкая в то же время зубами от голода.

– Да, если откровенно сказать, то мне... действительно... неловко.

– А мне, думаете, ловко? Чуть не размазал по мостовой хорошего человека. Положим, и извозчик идиот порядочный.

– Послушайте, Подходцев... Скажите откровенно, что заставило вас не удрать от меня на своем извозчике, а остаться и расхлебывать всю эту историю до конца?

– Хотите, я вас удивлю?

– Ну?

– Я просто порядочный человек. А теперь скажите и вы: почему вам пришло в голову обелить нас с извозчиком, вместо того чтобы предать обоих в руки сборов?

– Хотите, теперь я вас удивлю?

– Вы тоже порядочный человек?

– Нет! Я просто хитрый человек. Я просто поступаю по рецепту одного умного художника. Однажды к нему пришел судебный пристав описывать за долги его имущество. И что же! Вместо того чтобы отнестись к этому неприятному гостю с омерзением, повернуться к нему спиной, мой художник принял его по-братски, угостил завтраком, откупорил бутылочку вина и так сдружился с этим тигром в образе человека, что тот ему сделал всяческие послабления: что-то рассрочил, чего-то не тронул, о чем-то предупредил. По-моему, этот художник был не добрый, а хитрый человек.

– Мне ваш художник нравится. Действительно, если бы вы свергли нас с извозчиком в темницу – все бы на этом проиграли, а вы ничего не выиграли. Тогда как теперь...

– Тогда как теперь я заключил такое, хи-хи, милое знакомство...

– Ах, как можно говорить такие вещи молодым девушкам, – смутился Подходцев.

И, чтобы скрыть свое смущение, засуетился: вынул из шкапика коробку сардин, блюдо с холодными котлетами, сыр, хлеб и бутылку красного вина; быстро и ловко постлал скатерть и разложил приборы.

Гость сверкающими глазами следил за всем, что появлялось на столе. В ответ на пригласительный жест хозяина пододвинул к столу стул и сказал:

– Завтра же опять пойду на ту самую улицу...

– Зачем?

– Может быть, опять какое-нибудь животное наедет. Если всякая такая катастрофа несет за собой пир Валтасара...

– О, – засмеялся Подходцев, – мы постараемся найти для вас другую профессию, менее головоломную...

Громов поддел на вилку сардинку, понес ее ко рту и вдру на полдороге застыл, выпучив глаза...

– Что с вами?..

– Ах я, идиотина!

– А, знаете, ей-Богу, не заметно!

– Ах, бревно я! Ведь вы очень спешили, когда на меня наехали?

– Очень. Я, видите ли, обещал извозчику по пятаку за каждую лошадь, которую мы обго...

– В том-то и дело!! Ведь вы спешили?

– Ну?

– И не доехали!

– Не доехал, – машинально повторил Подходцев.

– А если спешили, значит, по очень важному делу, а я вас запутал, а благодаря мне вы не попали в это место...

– А ведь в самом деле, я и забыл...

– Что ж теперь будет?! Может быть, вы еще успеете?

– Кой черт! Эта собака уже ушла из дому.

– Никогда не прощу себе этого... Дело спешное?

– Очень. Нужно было перехватить у Харченки пятьдесят рублей для квартиры и прочего. Ну, да черт с ним, выкручусь!

– Как же вы выкрутитесь?

– У меня светлая голова на этот счет. Да вот слышите? Кто-то бежит по лестнице... В этом этаже больше никого нет, значит – ко мне; спешит – значит, я ему нужен. А раз я ему нужен, он должен ссудить меня пятьюдесятью рублями. Я так прямо и скажу ему...

Дверь с треском распахнулась, и странный гость влетел в комнату, до того странный, что оба – и Подходцев, и Громов – инстинктивно поднялись со своих мест и придвинулись ближе друг к другу...

Это был молодой человек довольно грузного вида, с черными, коротко остриженными волосами и лицом в обыкновенное время смуглым, но теперь таким бледным, что черные блестящие глаза казались на фоне этого лица двумя маслинами в куске сливочного масла.

Но не это поразило двух новых приятелей. Поразил их костюм незнакомца... На ногах его, лишенных брюк, красовалось голубенькое щегольское трико, жилет отсутствовал совсем, а пиджак чудесным образом переместился с плеч владельца на одну из его рук, которая ходила ходуном от ужаса.

Отсутствие воротничка и галстука даже в слабой степени не могла заменить большая японская ваза, которую незнакомец держал в другой руке с явно выраженной целью самозащиты...

Увидев двух молодых людей, окаменевших от удивления, новоприбывший, задыхаясь, опустился на кровать и прохри-

пел:

– Затворите дверь! На ключ.

Подходцев поспешил исполнить его желание, потом уселся верхом на стул, вперил свой спокойный взор в нового гостя и любезно сказал:

– Не хотите ли чего-нибудь закусить?

– Спасибо... Я уже тово... ел. Нельзя ли полстакана вина?

– Пожалуйста... Эта ваза вас, кажется, стесняет? Поставьте ее сюда. Ну, как вам нравится моя квартирка?

– Ничего, – пробормотал незнакомец, колотясь зубами о край стакана. – Нич... чего себе... У... уд... добна.

– Да, знаете. Теперь хорошую квартиру так трудно найти, – любезно заметил Подходцев, изнемогавший от приступа деликатности и упорно не замечавший более чем легкого костюма нового гостя.

– Вам не дует из окна? – участливо спросил Громов.

– Н... ничего. Я немного посижу и пойду себе... домой.

– Ну, куда вам спешить, – радушно воскликнул Подходцев. – Только что пришли и сейчас же уходить. Посидите!

– Я к вам зашел совершенно случайно...

– Помилуйте! Мы очень польщены... Позвольте, я вам помогу надеть пиджак на руки.

И едва новоприбывший надел с помощью Подходцева пиджак, как половина самообладания (вероятно верхняя, если расчленить самообладание по частям костюма) вернулась к нему.

– А мы ведь не знакомы, – сказал он.

Встал и расшаркался.

Глава 4.

Легкомысленный Клинков

– Позвольте представиться: Клинков.

– Ага! А мы – Подходцев и Громов.

Гость снова опустился на кровать и тоскливо прошептал:

– Вас, вероятно, очень удивляет мой костюм.

– Ничего подобного! – горячо воскликнул мягкосердечный Громов. – Это даже красиво. Голубой цвет вам удивительно к лицу.

Клинков вдруг вскочил и с ужасом в глазах стал прислушиваться.

– Он, кажется, идет?!

– Кто, кто?

– Муж. Вы понимаете, он меня застал... Хотел, кажется, стрелять, я насилу убежал...

– Если что меня и удивляет, – заметил Подходцев с самым проницаемым видом, – так это японская ваза.

– О! Я схватил первое, что попало под руку. Я разбил бы ее об его голову, если бы он напал на меня. Я пробежал так три этажа, а он, кажется, гнался за мной... И если бы не подернулась ваша квартира...

– Кстати! – хлопнул себя по лбу Подходцев. – У вас есть пятьдесят рублей?

– Нет... Двадцать есть. И еще мелочь.

– Мало, – призадумался Подходцев. – Не обернусь. Мне пятьдесят нужно.

– А вы продайте эту вазу, – подмигнул Клинков, очевидно совсем успокоившийся. – Ваза, кажется, не дешевая.

– Удобно ли? Ваза принадлежит любимой женщине...

– Пустяки! Ведь не буду же я возвращать им эту вазу: «На-те, мол, не ваша ли? По ошибке, вместо шляпы захватил...» Да кроме того, я у них оставил своих вещей рублей на пятьдесят.

– Может быть, сходить за ними?

– Боже вас сохрани! Вы его наведете только на след. Это животное размахивает револьвером, будто это простая лайковая перчатка...

– Однако послушайте... Вы покинули на произвол судьбы женщину, оставили ее во власти этого зверя...

– Женщину?! – воскликнул Клинков тоном превосходства. – Вы, очевидно, не знаете женщин вообще, а ее в особенности. Женщина, предоставленная сама себе, от десяти мужей отвернется безо всякого ущерба.

И закончил тоном записного профессионала:

– Нет, нашему брату куда труднее.

– А все-таки вазу лучше вернуть, – нерешительно промямлил Подходцев.

– Боже вас сохрани! Произошла страшная, но красивая в своем трагизме драма. И вдруг вы ее будете опошлять возвратом какой-то вазы. Ну до вазы ли человеку, у которого

сейчас сердце разбито, который разочаровался в женщинах. Продайте ее антиквару, и конец. А пока что – вот вам мои двадцать рублей.

– Позвольте! Они вам самим понадобятся. Вы можете послать на квартиру за другим костюмом и сегодня выйти на улицу. Вы где живете?

– Ах, не спрашивайте, – простонал Клинков.

– Почему?

– Я снимал комнату у сестры того человека, который хотел в меня стрелять...

– Ну?

– И я не могу теперь к ней показаться...

– Вот глупости! Какое ей, в сущности, дело. Муж живет здесь, сестра его в другом месте... Вы просто ее жилец...

– Да, «просто жилец»! Если она узнает от брата, что я ей изменил, она...

Раздался такой взрыв смеха, что даже мрачный Клинков повеселел.

– Вам смешно, а мне, ей-Богу, пока некуда деваться...

В его тоне было столько добродушной беспомощности, что подходцевское сердце растаяло.

– Э, чего там, право. Не вешайте носа. Есть у меня две кровати и диван. Ум хорошо, два лучше, три совсем великолепно, а так как вазой оплачивается целый будущий месяц, то... не будем омрачать наших горизонтов! Вот вам. Клинков, одеяло, подсаживайтесь к столу, вы, Громов, выньте из-

за окна две новых бутылочки, а я, господа, поднимаю этот стакан за людей, которые не вешают носа!

– За что же его вешать, – сказал Клинков, закутываясь в одеяло. – Это было бы жестоко. Мой нос, во всяком случае, этого не заслуживает.

Три стакана наполнились красной влагой, и эта влага была первым цементом, который так крепко спаял трех столь не похожих друг на друга людей.

Разные пути их вдруг причудливо скрестились, и эти три реки – одна тихая, меланхолическая (Громов), другая быстрая, прямая (Подходцев), а третья капризная, непостоянная (Клинков) – слились воедино и потекли отныне по одному руслу...

После третьего стакана было много хохота и возни (Подходцев в лицах представлял первое появление Клинкова), а после четвертого стакана Громов довольно искусно изобразил, как точильщик точит ножи, что навело Клинкова на мысль рассказать не совсем приличный анекдот.

И только ложась спать, все трое с некоторым удивлением отметили, что они как будто созданы друг для друга.

Вот так они и встретились – причудливо, неожиданно и не совсем обычно, с общепринятой точки зрения. Но такова и жизнь – причудливая, полная необычайностей и неожиданностей...

Глава 5.

Издательское предприятие

Большая пустынная комната, только по окраинам обставленная кое-какой мебелью, дремлет в сумерках. На одной из кроватей еле виден силуэт крепко спящего человека. То, что он крепко спит, чувствуется по его ровному дыханию и неподвижной позе.

И если бы к нему наклониться ближе, можно было бы увидеть, что во сне он улыбается. Так спать может только человек с чистой совестью.

Это Подходцев.

Его неразлучные товарищи по комнате в совместной жизни – Клинков и Громов – должны быть недалеко, потому что эта тройца почти никогда не расстается...

Действительно, не успели еще сумерки сгуститься в темный весенний вечер, как на лестнице раздались два голоса – бархатный баритон Клинкова и звенящий тенор Громова:

– А я тебе говорю, что эта девушка все время смотрела на меня!

– Это ничего не доказывает! В паноптикумах публика больше всего рассматривает не красавицу Клеопатру со змеей, а душительницу детей Марианну Скублинскую!

Не найдя на это ответа, грузный Клинков сердито запыхтел и первым вошел в общую комнату, захлопнув дверь пе-

ред самым носом Громова.

– Пусти! – прозвенел Громов, налетая плечом на дверь.

– Проси прощенья, – прогудел голос Клинкова изнутри.

– Ну ладно. Прости, что я тебя назвал идиотом.

– Постой, да ведь ты меня не называл идиотом?

– Я подумал, но это все равно. Пусти! Если не пустишь, встану завтра пораньше и зашью рукава в твоём пиджаке.

– Ну, иди, черт... С тебя станется.

Громов вошел, и тут же оба издали удивленное восклицание:

– Чего это он тут набросал на полу?

– Какие-то бумажки. Может быть, старые письма его возлюбленных...

– Или счета от несчастного портного...

– Или повестки от мирового...

Клинков поднял одну скомканную бумажку, расправил ее и вскрикнул:

– Господи Иисусе! Да ведь это деньги. Пятирублевая бумажка.

– И вот!

– И вот! Я слепну! Я задыхаюсь!

– Да тут их десятки!

– Сотни!

– Зачем он их разбросал тут?

– Я догадываюсь: он хочет нас поразить.

– Знаешь, давай сделаем вид, что мы ничего не замечаем.

– Идет. Эй, Подходцев! Не стыдно ль спать, когда цвет русской интеллигенции бодрствует?! Вставай!

Подходцев проснулся, спустил ноги с кровати, поглядел на бумажки, на спокойные лица товарищей и до глубины души удивился их равнодушию.

– Вы только сейчас вошли?

– Уже минут пять. А что?

– Вы ничего не замечаете?

– Нет. А что?

– На полу-то...

– Что ж на полу... Бумажки какие-то набросаны. Зачем ты соришь, ей-Богу? Что за неряшливость?

– Да вы поглядите, что это за бумажки!! – прогремел Подходцев.

Клинков поднял одну бумажку и в ужасе бросил ее.

– Ой! Деньги! И на них кровь.

– Подходцев... Он умер сразу, или агония у него была мучительная?

– У кого?

– Кого ты убил и ограбил.

– Животное ты! Эти денежки чисты, как декабрьский снег!.. Оказывается, что три дня подряд я снился одной из моих теток... И снился «нехорошо», как она пишет. Думая, что я болен или заточен в тюрьму, она и прислала мне ни с того ни с сего четыреста рублей.

– Что за достойная женщина!

– Завтра же, – сказал Клинков, – я приснюсь своей тетке.

– Да уж... Если бы это от тебя зависело, ты извел бы бедную старуху своими появлениями.

– Что ж ты думаешь делать с этими деньгами?

– Не я, а мы. Деньги общие.

– Нет! – твердо сказал Клинков. – Для общих денег это слишком большая сумма!..

– Но ведь я получил их благодаря вам.

– Каким образом?

– Тетке снилось, что я нехорошо живу. Результат – деньги.

Теперь: если я действительно нехорошо живу, то благодаря кому? Благодаря вам. Значит, мы заработали эти деньги все вместе.

– Убийственная логика.

– Верно, за нее убить мало.

Три друга собрали деньги, разгладили их, положили на середину стола и, усевшись вокруг, принялись их рассматривать чрезвычайно пристально.

– Большие деньги, – покачал головой Громов. – Если начать на них пить – можно получить белую горячку, если есть – ожирение сердца и подагру, если тратить на красавиц – общее расстройство организма.

– Следовательно, нужно сделать на них что-нибудь полезное.

– Можно открыть кроличий завод. Выгодное дело!

– Или купить имение с образцовым питомником.

– Или нанять целиком доходный дом и отдавать его под квартиры.

– А почему ты молчишь, Громов?

– Мне пришла в голову мысль, – застенчиво произнес Громов.

– И как же она себя чувствует в этом пустом помещении?

– Мысль такая: давайте, господа, издавать сатирический журнал.

– Я могу только издать удивленный крик, – признался Подходцев, действительно ошеломленный.

– Но ведь это идея, – вдруг расцвел Клинков. – Вы знаете, а может быть, и не знаете, что я довольно недурно рисую карикатуры. Громов пишет прозу и стихи.

– А что же я буду делать? – ревниво спросил Подходцев.

– Ты? Издательская и хозяйственная часть.

– Это будет чрезвычайно приятный журнал.

– И полезный в хозяйстве, – добавил Подходцев, кусая ус.

– Почему?

– Как средство от мух.

– Не понимаю.

– Мухи будутдохнуть от ваших рисунков и стихов.

– Берегись, Подходцев! Мы назовем свой журнал «Апельсин», и тогда ты действительно ничего в нем не поймешь.

– Постойте, постойте, – вскричал Громов, сжимая голову руками. – «Апельсин»... А, ей-Богу, это недурно. Звучно,

запоминается и непретенциозно!

– По-моему, тоже, – хлопнул тяжелой рукой по столу Клинков. – Это хорошо: «Газетчик, дайте мне „Апельсин“!»

Громов вскочил, схватил с дивана подушку, приложил ее, как сумку, к своему боку и, приняв позу газетчика, ответил густым басом:

– «Апельсинов» уже нет – все распроданы.

– Что ж ты, дубина, не берешь их больше?

– Да я взял много, но сейчас же все расхватали. Поверите – с руками рвут.

– А ты мне не можешь где-нибудь достать старый номер?

– Трудновато. За рубль – пожалуй.

– Три дам, только достань.

– Слушаю-с, ваше сиятельство.

Эта наглядная интермедия произвела на колебавшегося Подходцева глубокое впечатление.

– Действительно, издавать журнал прелюбопытно. А книжные магазины тоже будут продавать?

– Конечно! – вскричал Клинков. И обратился к Громову: – Скажите, приказчик книжного магазина, у вас имеется «Апельсин»?

Громов зашел за стол, изображавший собою прилавок, и, изогнувшись, ответил:

– «Апельсин»? Сколько номеров прикажете?

– Десять. Хочу послать своей племяннице, брату, еще кое-кому.

– У нас осталось всего три штуки...

– О, добрый приказчик! Дайте мне десять номеров.

– Не могу, – сухо ответил Громов, – на вас не напасешься.

– О, многомилостивый торговец! Сжальтесь надо мной...

Жена запретила мне являться домой без десяти номеров «Апельсина».

– Или берите три, или проваливайте.

Клинков упал на колени и, протягивая молитвенно руки, завопил:

– Я утоплюсь, если вы не дадите мне десяти номеров. О, спасите меня!..

И, встав с колен, отряхнул пыль с брюк, обернулся к Подходцеву и сказал другим, более спокойным тоном:

– Так будет в книжных магазинах.

– Значит, публика, по-вашему, заинтересуется им?

– Публика? – подхватил Клинков. – Я себе рисую такую картину...

Он снова упал перед Громовым на колени и, протягивая к нему руки, простонал:

– Марья Петровна! Я люблю вас, будьте моей.

– Хорошо, – пропищал Громов, кокетливо обмахиваясь подушкой.

– Мы будем так счастливы... Будем по вечерам читать «Апельсин».

– А что такое «Апельсин»? – снова пропищал Громов, скорчив бессмысленную физиономию.

– А-а! – свирепо зарычал Клинков. – Вы, Марья Петровна, не знаете что такое «Апельсин»?! В таком случае – черт с вами! Отказываюсь от вас! Навсегда!

– Ах, – вскрикнула «Марья Петровна» и в обмороке упала Подходцеву на руки.

Такая блестящая иллюстрация успеха и значения журнала рассеяла последние колебания Подходцева.

– А денег у нас хватит? – спросил этот деловой малый.

– Конечно! Полтораста – за бумагу, столько же – типографии, пятьдесят – на клише и остальное на мелкие расходы. Первый же номер даст рублей двести прибыли.

– Evviva, «Apelsino»! – вскричал Клинков. – Господин издатель! Дайте сотруднику десять рублей аванса.

Подходцев развалился на стуле и снисходительно поглядел на Клинкова:

– Ох, уж эти мне сотрудники. Все бы им только авансы да авансы. Ну, нате, возьмите. Только чтобы это было последний раз. И, пожалуйста, не запоздайте с материалом.

Клинков сунул деньги в карман и шаркнул ногой:

– Заведующий художественной частью журнала «Апельсин» приглашает редактора и издателя в ближайший ресторан откусать хлеба-соли, заложив этим, как говорится, фундамент.

Поднимаясь в три часа ночи по лестнице, редакция журнала «Апельсин» делала не совсем уверенные шаги и хором пела следующую, не совсем складную песню:

Мать и брат, отец и сын,
Все читают «Апельсин».
Нищий, дворник, кардинал —
Все читают наш журнал.

А Громов добавлял соло:

Кто же не читает,
Тот —
Идиот,
В «Апельсинах» ничего не понимает!

Глава 6.

Деловые люди

Подходцев с утра до вечера носился по типографиям, продавцам бумаги и цинкографиям...

А ночью ему не было покоя.

Будил его заработавшийся за столом Громов:

– Слушай, Подходцев... Ты извини, что я тебя разбудил...

Ничего?

– Да уж черт с тобой... Все равно проснулся. Что надо?

– Скажи, хорошая рифма – «водосточная» и «уполномоченная».

– Нет, – призадумавшись, отвечал Подходцев. – Поставь что угодно, но другое: восточная, неурочная, молочная, сочная, потолочная...

– Спасибо, милый. Теперь спи.

Будил и Клинков.

– Подходцев, проснись.

– Что тебе надо?!

– Сними на минутку рубашку.

– Что ты – сечь меня хочешь? – стонал уставший за день

Подходцев.

– Нет, мне нужно зарисовать двуглавый мускул. У меня тут в карикатуре борец участвует.

– Попроси Громова.

– Ну, нашел тоже руку... У него кочерга, а не рука...

– О, чтоб вас черти... Ну, на, рисуй скорей.

– Согни руку так... Спасибо, дружище. А может, ты бы встал и надел ботинки?.. У тебя такие красивые. Я рисую светскую сценку, и одна нога у меня какая-то вымученная.

– О, чтоб вы...

А с другой стороны доносился заискивающий голос Громова:

– Подходушка, можно выразиться: «ее розовые губки усмехнулись»?

– Можно! Выражайся. Если вы меня еще раз разбудите – я тоже выражусь!..

Работа кипела.

В одной из комнат типографии лежал правильными пачками свежий, только что вышедший номер «Апельсина».

Это был великий день для трех товарищей. Десятки раз они хватались за номер, перелистывали его, даже внюхивались в запах типографской краски:

– А, ей-Богу, хорошо пахнет. По-моему, прекрасный номер. И рисунки хлесткие, и текст. Хе-хе...

Первый газетчик, который явился за десятком номеров, вызвал самые бурные овации трех друзей.

– Газетчик. Здравствуйте, дружище! У вас давно такое симпатичное лицо?

– А глаза! Прекрасные серые глаза.

– А голос! Если таким голосом сказать покупателю: «Вот, купите этот прекрасный журнал под названием „Апельсин“, – то всякий разорится, а купит!

– Вы, газетчик, держите его на виду. Он оранжевый, и этот цвет даст такие чудесные рефлексы на вашем лице, что вы покажетесь вдвое красивее...

Распропагандировав таким образом несколько газетчиков, вся редакция высыпала на улицу и отправилась бродить по самым людным местам.

У всех трех в руках красовались номера «Апельсина»... Подходцев шел впереди, делал вид, что читает журнал, и время от времени раздражался громким демонстративным смехом.

– Ну и чудачки же! Господи, до чего это смешно.

А Клинков и Громов, шагая сзади и стараясь запутаться в толпу гуляющих, беседовали громче, пожалуй, чем нужно:

– Это новый номер «Апельсина»?

– Да.

– Скажите, это хороший журнал?

– О, прекрасный! Его так расхватывают, что к вечеру, пожалуй, ни одного номера не будет...

– Что вы говорите! Это безумие! Сейчас же побегу, куплю.

– О-ой, – надрывался впереди Подходцев. – Ой, уморили!

Ну и юмористы же!

На него поглядывали с некоторым удивлением.

– Читали? – интимно подмигнул он какому-то солидному

господину в золотых очках.

– Нет, не читал.

– Напрасно. Такое тупое лицо от чтения хоть немного бы прояснилось.

– Виноват...

– Бог подаст! Я на улице не занимаюсь благотворительностью.

– Как вы смеете?!.

Но Подходцев был уже далеко, догоняя ушедших вперед Громова и Клинкава и крича им во все горло:

– Читали новый журнал? Замечательный!

– Как же, как же! Говорят, на Казачьей улице одного газетчика убили и ограбили у него все номера «Апельсина». В некоторых местах уже по рублю продают! В книжных магазинах уже нет!

– Да, – тихо прошептал Подходцев... – Еще бы! В книжных магазинах нет, потому что эти свиньи не берут. Нам, говорят, журналы не интересны.

– Не берут, – еще тише прошептал Клинков. – А мы их заставим!

И скоро стройная организация пошла в обход по всем магазинам.

Первым входил Клинков.

– Есть у вас журнал «Апельсин»?

– Нет, не держим.

– А селедки у вас есть?

– Что-о?

– Да ясно: раз в книжном и журнальном магазине нет журналов – этот магазин, по логике, должен торговать селедками.

Постепенно он разгорячился.

– Как не стыдно, право! Весь город только и говорит, что о журнале, а они, извольте видеть, не держат! А мыло, свечи, гвозди – есть у вас?! Тьфу!

И уходил, хлопнув дверью и вызвав великий восторг и сенсацию среди скучающих покупателей...

Через пять минут входил Громов:

– Есть... «Апельсин»? – спрашивал он умирающим голосом. – С утра хожу, ищу.

– Нет, извините...

Пошатнувшись, он издавал глухой стон и падал на стойку в глубоком обмороке... Его отпаивали водой, утешали, как могли, обещали, что завтра журнал у них будет, и Громов уходил, предварительно взяв клятву, что его не обманут – усталого доверчивого бедняка...

Через пять минут после него являлся Подходцев.

– Имею честь представиться: управляющий главной конторой журнала «Апельсин»... Хотя вы и отвергли наше телефонное предложение...

– Собственно, мы... гм! Не знали журнала... Теперь, ознакомившись... Вы нам пока десяточка три-четыре пришлите...

Около последнего из намеченных магазинов собрались все трое. Решили устроить самую внушительную демонстрацию, потому что магазин был большой и публики в нем всегда толклось много.

Все трое вошли плечо к плечу, все трое хором спросили: «Есть ли у вас “Апельсин”?», и все трое, услышав отрицательный ответ, в беспамятстве повалились на прилавок.

Впечатление было потрясающее.

Глава 7.

Конец предприятия

На следующее утро приступили к составлению второго номера.

Подходцев позировал Клинкову для спины Зевса-громовержца, а Громов тщетно подбирал рифму к слову «барышня».

– Поставь вместо барышни – девушку, – участливо посоветовал Подходцев.

– А на девушку, думаешь, есть рифма, – пробормотал Громов и вдруг задрожал: в открытых по случаю духоты дверях стоял околоточный.

– Вы не туда попали, – нерешительно заметил Громов.

– Здесь живет Громов?

– В таком случае вы туда попали. Подходцев! Ведь мы вчера не были пьяны? И не скандалили?

– Нет!

– Так чем же объяснить появление этого вестника горя и слез?

Все трое встали, сдвинулись ближе.

– Вот вам тут бумага из управления. По распоряжению г. управляющего губернией издание сатирического журнала «Апельсин» за его вредное антиправительственное направление – прекращается.

Трое пошатнулись и, не сговариваясь, как по команде упали на пол в глубоком обморочном состоянии.

Это была наглядная аллегория падения всего предприятия, так хорошо налаженного.

Околоточный пожал плечами, положил роковую бумагу на пол и, ступая на носках, вышел из комнаты.

– Почему ты, Клинков, – переворачиваясь на живот, с упреком сказал Подходцев, – не предупредил меня, что мы живем в России?

– Совсем у меня это из головы вон.

– Ну, что ж... Теперь, если приснюсь тетке – буду умнее.

Громов несмело сказал:

– Что ж, господа... Если праздновали рождение – отпразднуем и смерть «Апельсина»...

В этот день пили больше, чем обыкновенно.

Глава 8.

Первый праздник, встреченный по-христиански

Все проснулись на своих узких постелях по очереди... Сначала толстый Клинков, на нос которого упал горячий луч солнца, раскрыл рот и чихнул так громко, что гитара на стене загудела в тон и гудела до тех пор, пока спавший под ней Подходцев не раскрыл заспанных глаз.

– Кой черт играет по утрам на гитаре? – спросил он недовольно.

Его голос разбудил спавшего на диване третьего сонливца – Громова.

– Что это за разговоры, черт возьми, – закричал он. – Дайте вы мне спать или нет?

– Это Подходцев, – сказал Клинков. – Все время тут разговаривает.

– Да что ему надо?

– Он уверяет, что ты недалекий человек.

– Верно, – пробурчал Громов, – настолько я недалек, что могу запустить в него ботинком.

Так он и поступил.

– А ты и поверил? – вскричал Подходцев, прячась под одеяло. – Это Клинков о тебе такого мнения, а не я.

– Для Клинкова есть другой ботинок, – возразил Громов. – Получай, Клинище!

– А теперь, когда ты уже расшвырял ботинки, я скажу тебе правду: ты не недалекий человек, а просто кретин.

– Нет, это не я кретин, а ты, – сказал Громов, не подкрепляя, однако, своего мнения никакими доказательствами...

– Однако вы тонко изучили друг друга, – хрипло рассмеялся толстяк Клинков, который всегда стремился сравнить двух друзей и потом любовался издали на их препирательства. – Оба кретины. У людей знакомые бывают на крестинах, а у нас на крестинах. Хо-хо! Подходцев, если у тебя есть карандаш, – запиши этот каламбур. За него в том журнале, где я сотрудничаю, кое-что дадут.

– По тумачу за строчку – самый приличный гонорар. Чего это колокола так раззвонились? Пожар, что ли?

– Грязное невежество: не пожар, а Страстная суббота. Завтра, милые мои, Светлое Христово Воскресенье. Конечно, вам все равно, потому что души ваши давно запроданы дьяволу, а моей душеньке тоскливо и грустно, ибо я принужден проводить эти светлые дни с отбросами каторги. О, мама, мама! Далеко ты сейчас со своими куличами, крашеными яйцами и жареным барашком. Бедная женщина!

– Действительно, бедная, – вздохнул Подходцев. – Ей не повезло в детях.

– А что, миленькие: хорошая вещь – детство. Помню я, как меня наряжали в голубую рубашечку, бархатные панта-

лоны и вели к Плащанице. Постился, говел... Потом ходили святить куличи. Удивительное чувство, когда священник впервые скажет: «Христос Воскресе!»

– Не расстраивай меня, – простонал Громов, – а то я заплачу.

– Разве вы люди? Вы свиньи. Живем мы, как черт знает что, а вам и горюшка мало. В вас нет стремления к лучшей жизни, к чистой, уютной обстановке, – нет в вас этого. Когда я жил у мамы, помню чистые скатерти, серебро на столе.

– Ну, если ты там вертелся близко, то на другой день суп и жаркое ели ломбардными квитанциями.

– Врете, я чистый, порядочный юноша. А что, господа, давайте устроим Пасху, как у людей. С куличами, с накрытым столом и со всей вообще празднично-буржуазной, уютной обстановкой.

– У нас из буржуазной обстановки есть всего одна вилка. Много ли в ней уюта?

– Ничего, главное – стол. Покрасим яйца, испечем куличи...

– А ты умеешь?

– По книжке можно. У нас две ножки шкафа подперты толстой поваренной книгой.

– Здорово удумано, – крикнул Подходцев. – В конце концов, что мы не такие люди, как все, что ли?

– Даже гораздо лучше.

Луч солнца освещал следующую картину: Подходцев и Громов сидели на полу у небольшой кадочки, в которую было насыпано муки чуть не доверху, и ожесточенно спорили.

Сбоку стояла корзина с яйцами, лежал кусок масла, ваниль и какие-то таинственные пакетики.

– Как твоя бедная голова выдерживает такие мозги, – кричал Громов, потрясая поваренной книгой. – Откуда ты взял, что ваниль распустится в воде, когда она – растение.

– Сам ты растение дубовой породы. Ваниль не растение, а препарат.

– Препарат чего?

– Препарат ванили.

– Так... Ваниль – препарат ванили. Подходцев – препарат Подходцева. Голова твоя препарат телячьей головы...

– Нет, ты не кричи, а объясни мне вот что: почему я должен сначала «взять лучше крупитчатой муки 3 фунта, развести 4-мя стаканами кипяченого молока», проделать с этими 3-мя фунтами тысячу разных вещей, а потом, по словам самоучителя, «когда тесто поднимется, добавить еще полтора фунта муки»? Почему не сразу 4 1/2 фунта?

– Раз сказано, значит, так надо.

– Извини, пожалуйста, если ты так глуп, что принимаешь всякую печатную болтовню на веру, то я не таков! Я оставляю за собой право критики.

– Да что ты, кухарка, что ли?

– Я не кухарка, но логически мыслить могу. Затем – что

значит: «30 желтков, растертых добела»? Желток есть желток, и его, в крайнем случае, можно растереть дожелта.

Громов подумал и потом высказал робкое, нерешительное предположение:

– Может, тут ошибка? Не «растертые» добела, а «раскаленные» добела?

– Знаешь, ты, по-моему, выше Юлия Цезаря по своему положению. Того убил Брут, а тебя сам Бог убил. Ты должен отойти куда-нибудь в уголок и там гордиться. Раскаленные желтки! А почему тут сказано о «растопленном, но остывшем сливочном масле»? Где смысл, где логика? Понимать ли это в том смысле, что оно жидкое, нехолодное, или что оно должно затвердеть? Тогда зачем его растапливать? Боже, Боже, как это все странно!

Дверь скрипнула в тот самый момент, когда Громов, раздраженный туманностью поваренной книги, вырвал из нее лист «о куличах» и бросил его в кадочку с мукой.

– На! Теперь это все перемешай!

...Дверь скрипнула, и на пороге появился смущенный Клинков. Не входя в комнату и пытаясь заслонить своей широкой фигурой что-то, прятавшееся сзади него и увенчанное красными перьями, – он разочарованно пролепетал:

– Как... вы уже вернулись? А я думал, что вы еще часок прошатаетесь по рынку.

– А что? Да входи... Чего ты боишься?

– Да уж лучше я не войду...

– Да почему же?

За спиной Клинкова раздался смех, и красные перья закачались.

– Вот видишь, – сказал женский голос. – Я тебе говорила – не надо. Такой день нынче, а ты пристал – пойдём да пойдём!.. Ей-Богу, бесстыдник.

– Клинков, Клинков, – укоризненно воскликнул Подходцев. – Когда же ты наконец перестанешь распутничать? Сам же затеял это пасхальное торжество и сам же среди бела дня приводишь жрицу свободной любви...

– Нашли жрицу, – сказала женщина, входя в комнату и осматриваясь. – Со вчерашнего дня жрать было нечего.

– Bravo! – закричал Клинков, желая рассеять общее недовольство. – Она тоже каламбурит!! Подходцев, запиши – продадим.

– У человека нет ничего святого, – сурово сказал Громов. – Сударыня, нечего делать, присядьте, отдохните, если вы никуда не спешите.

– Господи! Куда же мне спешить, – улыбнулась эта легкомысленная девица. – Куда, спрашивается, спешить, если меня хозяйка вчера совсем из квартиры выставила?

– Весна – сезон выставок, – сострил Клинков, снимая пальто. – Подходцев, запиши. Я разорю этим лучшую редакцию столицы. Ах, как мне жаль, Маруся, что я не могу оказать вам того гостеприимства, на которое вы рассчитывали.

– Уйдите вы, – сердито сказала Маруся, нерешительно

присаживаясь на кровать. – Ни на что я не рассчитывала. Отдохну и пойду.

Взгляд ее упал на кадочку с мукой, и она широко раскрыла глаза.

– Ой! Это что вы, господа, делаете?

– Куличи, – серьезно ответил Громов, поднимая измазанное мукой лицо. – Только у нас, знаете ли, не ладится...

– Видишь ли, Маруся, – важно заявил Клинков. – Мы решили отпраздновать праздник святой Пасхи по-настоящему. Мы – буржуи!

Маруся встала, осмотрела кадочку и сказала чрезвычайно озабоченно:

– Эх, вы! Кто ж так куличи делает. Высыпайте обратно муку. Хотите, я вам замешу?

Громов удивился.

– Да разве вы умеете?

– Вот тебе раз! Да как же не уметь!

– Уважаемая, достойная Маруся, – обрадовался совершенно измученный загадочностью поварской книги Подходцев. – Вы нас чрезвычайно обяжете...

Увидев такой оборот дела, сконфуженный сначала Клинков принял теперь очень нахальный вид. Заложил руки в карманы и процедил сквозь зубы:

– Теперь вы, господа, понимаете, для чего я ее привел?

– Лучше молчи, пока я тебя не ударил по голове этой лопаткой. По распушенности ты превзошел Гелиога-бала!

– Да, пожалуй... – подтвердил самодовольно Клинков. – Во мне сидит римлянин времен упадка.

– Нечего сказать, хорошенькое помещение он себе выбрал. Разведи-ка в этой баночке краску для яиц.

Римлянин времен упадка покорно взял пакетики с краской и отошел в угол, а Подходцев и Громов, предоставив госте все куличные припасы, стали суетиться около стола.

– Накроем пока стол. Скатерть чистая есть?

– Вот есть... Какая-то черная. Только на ней, к сожалению, маленькое белое пятно.

– Милый мой, ты смотришь на эту вещь негативно. Это белая скатерть, но сплошь залитая чернилами, кроме этого белого места. И, конечно, залил ее Клинков. Он всюду постарается.

– Да уж, – отозвался из угла Клинков, поймавший только последнюю фразу. – Я всегда стараюсь. Я старательный. А вы всегда на меня кричите. Вон Марусю привел. Маруся, поцелуй меня.

– Уйди, уйди, не лезь. Заберите его от меня, или я его вымажу тестом.

Вдруг Подходцев застонал.

– Эх, черррт! Сломался!

– Что?

– Ключ от сардинок. Я попробовал открыть.

– Значит, пропала коробка, – ахнул Громов. – Теперь уж ничего не сделаешь. Помнишь, у нас тоже так сломался

ключ... Мы пробовали открыть ногтями, потом стучали по коробке каблуками, бросали на пол, думая, что она разобьется. Исковеркали – так и пропала коробка...

– И глупо, – отозвался Клинков. – Я тогда же предлагал подложить ее на рельсы, под колесо трамвая. В этих случаях самое верное – трамвай.

– Давайте, я открою, – сказала озабоченная Маруся, отрываясь от места.

– Видите, какая она у меня умница, – вскричал Клинков. – Я знал, что с сардинами что-нибудь случится, и привел ее.

– Отстань! Подходцев, режь колбасу. Знаешь, можно ее этакой звездочкой разложить. Красиво!

– Ножа нет, – сказал Подходцев.

– Можно без ножа, – посоветовал Клинков. – Взять просто откусить кусок и выплюнуть, откусить и выплюнуть, откусить и выплюнуть. Так и нарежем.

– Ничего другого не остается. Кто же этим займется?

Клинков категорически заявил:

– Конечно, я.

– Почему же ты, – поморщился Подходцев. – Уж лучше я.

– Или я!

– Неужели у вас нет ножа? – удивилась Маруся.

Подходцев задумчиво покачал головой.

– Был прекрасный нож. Но пришел этот мошенник Харченко и взял его якобы для того, чтобы убить свою любовницу, которая ему изменила. Любовницы не убил, а просто

замошенничал ножик.

– И штопор был; и штопора нет.

– Где же он?

– Неужели ты не знаешь? Клинков погубил штопор; ему, после обильных возлияний, пришла на улице в голову мысль: откупорить земной шар.

– Вот свинья-то. Как же он это сделал?

– Вынул штопор и стал ввинчивать в деревянную тротуарную тумбу. Это, говорит, пробка, и я, говорит, откупорю земной шар.

– Неужели я это сделал? – с сомнением спросил Клинков.

– Конечно. На прошлой неделе. Уж я не говорю о рюмках – все перебиты. И перебил Клинков.

– Все я да я... Впрочем, братцы, обо мне не думайте: я буду пить из чернильницы.

– Нет, чернильница моя, – ты можешь взять себе пепельницу. Или сделай из бумаги трубочку.

Маруся с изумлением слушала эти странные разговоры; потом вытерла руки о фартук, сооруженный из наволочки, и, взяв карандаш и бумагу, молча стала писать...

– Каламбур записываешь? – спросил Клинков.

– Я записала тут, что купить надо. Вилки, ножи, штопор, рюмки и тарелки. Покупайте посуду, где брак, – там дешевле... Всего рубля на четыре выйдет.

– Дай денег, – обратился Клинков к Подходцеву.

– Что ты, милый? Я последние за муку отдал.

– Ну, ты дай.

– Я тоже все истратил. Да ведь у тебя должны быть?

Клинков смущенно приблизил бумагу к глазам и сказал:

– Едва ли по этой записке отпустят.

– Почему?

– Тарелка через «ять» написана. Потом «перец» через «и». Такого перца ни в одной лавке не найдешь.

– Клинков! – сурово сказал Подходцев. – Ты что-то подозрительно завертелся! Куда ты дел деньги, а?

– Никуда. Вон они. Видишь – пять рублей.

– Так за чем же остановка?

– Видите ли, – смутился Клинков, – я думаю, что эти деньги... я... должен... отдать... Марусе...

– Мне? – искренно удивилась Маруся. – За что?

– Ну... ты понимаешь... по справедливости... я же тебя привел... оторвал от дела...

– И верно! – сухо сказал Подходцев. – Отдай ей.

Маруся вдруг засуетилась, сняла с себя фартук, одернула засученные рукава, схватила шляпу и стала надевать ее дрожащими руками.

– До свиданья... я пойду... я не думала, что вы так... А вы... Скверно! Стыдно вам.

– Подходцев дурак и Клинков дурак, – решительно заявил Громов. – Маруся! Мы вас просим остаться. Деньги эти, конечно, пойдут на покупку ножей и прочих тарелок, и я наде-

юсь, что мы вместе разговеемся, мы с вами куличом, а эти два осла – сеном.

– Ура! – вскричал Клинков. – Дай я тебя поцелую.

– Отстаньте... – улыбнулась сквозь слезы огорченная гостья. – Вы лучше мне покажите, где печь куличи-то.

– О, моя путеводная звезда! Конечно, у хозяйки! У нее этакая печь есть, в которой даже нас, трех отроков, можно изжарить. Мэджи! Вашу руку, достойнейшая, – я вас провожу к хозяйке.

Когда они вышли, Громов сказал задумчиво:

– В сущности, очень порядочная девушка.

– Да... А Клинков осел.

– Конечно. Это не мешает ему быть ослом. Как ты думаешь, она не нарушит ансамбля, если мы ее попросим освятить в церкви кулич и потом разговестись с нами?

– Почему же... Ведь ты сам же говорил, что она порядочная девушка.

– А Клинков осел. Верно?

– Клинков, конечно, осел. Смотреть на него противно.

А поздно ночью, когда все трое, язвя, по обыкновению, друг друга, валялись одетые в кровати в ожидании свяченого кулича, – кулич пришел под бодрый звон колоколов – кулич, увенчанный розаном и несомый разругавшейся Марусей, «вторым розаном», как ее галантно назвал Клинков.

Друзья радостно вскочили и бросились к Марусе. Она сте-

пенно похристосовалась с торжественно настроенным Подходцевым и Громовым, а с Клинковым отказалась, – на том основании, что он не умеет целоваться как следует.

– Да, – хвастливо подмигнул распутный Клинков. – Мои поцелуи не для этого случая. Не для Пасхи-с! Хе-хе! Позвольте хоть ручку.

Желание его было исполнено не только Марусей, но и двумя товарищами, сунувшими ему под нос свои руки.

Этой шуткой торжественность минуты была немного нарушена, но когда уселись за стол и чокнулись вином из настоящих стаканов, заедая настоящим свяченым куличом, – снова праздничное настроение воцарилось в комнате, освещенной лучами рассвета.

– Какой шик! – воскликнул Клинков, ощупывая новенькую, накрахмаленную скатерть. – У нас совсем как в приличных буржуазных домах.

– Да... настоящая приличная чопорная семья на четыре персоны!

И все четверо серьезно кивнули головами, упустив из виду, что никогда приличная чопорная семья не допустит посадить за одним столом с собою безработную проститутку.

Глава 9.

Нехороший Харченко

Это была очень печальная осень: мокрая, грязная и безденежная...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.